

СТАНИСЛАВ ХАТУНЦЕВ

КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ: ЖИЗНЬ И СУДЬБА

Один из самых интересных и оригинальных русских мыслителей – Константин Николаевич Леонтьев умер 24 ноября 1891 года (12 ноября по старому стилю). Он прожил жизнь яркую, богатую разнообразными событиями и неожиданными поворотами судьбы. Родился он 13 января 1831 г. (25 января по новому стилю) в сельце Кудинове Калужской губернии, принадлежавшем предкам его по отцовской линии. Основную роль в его воспитании сыграла мать Феодосия Петровна, представительница старинного дворянского рода, женщина умная, тонкая, образованная и сильная. Она растила сына в “преданиях монархической любви и настоящего русского патриотизма”¹, в атмосфере по-домашнему тёплой православной религиозности; она же передала ему кровь своего отца – Петра Матвеевича Карабанова, “дикого барина” в стиле екатерининской эпохи, в котором страшное по своей необузданной свирепости “азиатство” и склонность к разврату сочетались с рыцарским великодушием, ненавистью ко лжи и двуличию, безудержной храбростью, преданностью Государю и Отечеству, любовью к прекрасному². Константин Николаевич гордился своим татарско-версальским предком³.

Десяти лет Леонтьев был определён в Смоленскую гимназию, затем попал в Петербург, кадетом в Дворянский полк. Из полка его уволили по болезни и приняли в Калужскую гимназию, которую он окончил в 1849-м с правом поступления в университет без экзамена⁴. В том же году начались его занятия на медицинском факультете Московского университета.

Студенческая пора принесла Леонтьеву не только любовь, дружбу, встречи с замечательными людьми – Т. Н Грановским, А. В. Сухово-Кобылиным, М. Н. Катковым, но и расшатанное здоровье, юношеское разочарование в жизни, крушение детской религиозной веры. Позднее он остановился на “каком-то неясном деизме, эстетическом и свободном”⁵, но пока переживал “горький... жестокий процесс... умственного перелома”; мысль его впервые

¹ Леонтьев К. Рассказ моей матери об императрице Марии Фёдоровне // “Русский вестник”. 1891. № 4. С. 86.

² Иваск Ю. П. Константин Леонтьев. Жизнь и творчество. В кн. К.Н. Леонтьев: pro et contra. СПб, 1995. С. 232–234.

³ Иваск Ю. П. Указ. соч. С. 246.

⁴ Коноплянцев А. М. Жизнь К. Н. Леонтьева в связи с развитием его мирозерцания // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. +1891. Лит. сб.-к. СПб., 1911. С. 29.

⁵ Леонтьев К. Тургенев в Москве // “Русский вестник”. 1888. № 2. С. 98.

в жизни серьёзно перерождалась¹. Наступала эра противостояния “отцов” и “детей”, и Леонтьев из стихийного монархиста стал полусознательным либералом неопределённого направления, приверженцем республиканской формы правления. Но и тогда в республиках ему нравилось не то, чем отличаются они от монархий, т. е. не политическая свобода и равноправность, а то, что роднило их: “сила, вырабатываемое сословным строем разнообразие характеров, борьба, битвы, слава, живописность и т. д.”². Даже в эту бестолковую, как считал сам Леонтьев, пору своей жизни он ни разу “ни кощунственной насмешкой, ни... доводами плохой либеральной философии не оскорбил тех личных чувств и тех идеалов”, которые неизменно, до гроба, исповедовала его мать³.

Умственный перелом и связанные с ним душевные терзания заставили Леонтьева обратиться к перу и бумаге. Первое же своё произведение – комедию “Женитьба по любви” он решил показать Тургеневу. Иван Сергеевич в то время жил на Остоженке, неподалёку от дома богатой аристократки Охотниковой, свояченицы матери Константина Николаевича, у которой он в Москве и остановился. Однажды утром, весной 1851 года, Леонтьев, набравшись смелости, облачился в студенческий вицмундир, водрузил на голову треуголку и отправился к создателю “Записок охотника”, дабы вручить ему свою рукопись. Маститый писатель весьма высоко оценил литературные опыты начинающего автора. Между Тургеневым и Леонтьевым завязалась дружба, сыгравшая огромную роль в творческой судьбе Константина Николаевича. С 1854 г. повести и очерки К. Леонтьева публикуются в русской периодике, в литературном приложении к “Московским ведомостям”, в “Отечественных записках”.

В том же году, не прослушав полного университетского курса, Константин Николаевич получил степень лекаря, поступил на военно-медицинскую службу и отправился в Крым, где разворачивались важнейшие события Восточной (Севастопольской) войны 1853–1856 годов. Простая, грубая и деятельная жизнь в Крыму вернула ему здоровье и свежесть, избавила от мучительного и кропотливого самоанализа, которому он предавался в Москве. Однако “честный труд” в военном госпитале близ Керчи не вполне устраивал потомка “дикого барина”. Ему хотелось настоящих опасностей: схваток с неприятелем, пороховой гари, походов, бивуаков, вольных степей, и он добился назначения в 45-й Донской казачий полк. Вместе с казаками Леонтьев отправлялся на рекогносцировки и в рейды, участвовал в кавалерийских боях, руководил реквизициями, спал у бивуачных костров под крымскими звёздами. “Природа и война! Степь и казацкий конь верховой! Молодость моя... молодость и чистое небо!”⁴ – вспоминал он позднее об этом времени. Служба Леонтьева в Крыму сопровождалась множеством любовных историй, он даже похитил в Феодосии прекрасную гречанку – Елизавету Политову, ставшую его женою через несколько лет. При всём этом не оставлял Леонтьев и литературного поприща.

Через год после окончания Восточной войны Константин Николаевич уехал из Крыма и занял место домашнего врача в имении баронессы Розен, располагавшемся в Арзамаском уезде Нижегородской губернии. Здесь он лечил крестьян, занимался науками с сыновьями хозяйки имения, много читал, особенно по естествознанию, философии, русской и иностранной изящной литературе, и, конечно же, писал сам.

Впечатления “нижегородского” периода жизни легли в основу романа “В своём краю”, опубликованного Леонтьевым в 1864 г. – сначала в “Отечественных записках”, затем – отдельным изданием. Современному читателю книга эта, к сожалению, практически не знакома, но работа стоит того, чтобы сказать о ней немного подробнее. И отнюдь не потому только, что едкий М. Е. Салтыков-Щедрин удостоил её своей рецензии, а потому, что роман Леонтьева стал яркой литературной манифестацией так называемого нищезанства – и не в Германии, а в России! – примерно за два десятилетия до появления работ самого Фридриха Ницше. Это потом, на рубеже столетий, нищезанство у нас в стране (вслед за Европой) вошло в моду, стало интеллектуальным “мэйнстримом”, в том числе – в революционных кругах (Горький, Луначарский, Савинков и т. д.); тогда же русский “предвестник нищезанства”

¹ К. Леонтьев. Собрание сочинений. Т. 9. СПб., С. 218.

² К. Леонтьев. Рассказ моей матери... С. 86.

³ К. Леонтьев. Рассказ моей матери... С. 85.

⁴ Леонтьев К. Собрание сочинений. Т. 9. СПб., 1913. С. 218.

анства, неожиданно появившийся в 60-х годах” (выражение критика начала XX века Б. А. Грифцова), остался практически не замеченным и на настроения общества нисколько не повлиял. В то же время роман “В своём краю”, завершённый, по-видимому, ещё до отъезда К. Леонтьева на Восток, т. е. до ноября 1863 г., нужно поставить рядом с законченным в том же году (в Петропавловской крепости) романом Н. Г. Чернышевского “Что делать?”. Подобно произведению известного теоретика-революционера, роман Леонтьева являлся литературно-художественным выражением всего спектра этических, эстетических и, в конечном итоге, общественно-политических воззрений своего создателя и, по замыслу Леонтьева, должен был играть ту же роль, которую сыграло произведение Н. Г. Чернышевского: роль пропагандиста и агитатора, “наставника жизни”. При этом в литературном отношении роман Леонтьева написан несравненно более талантливо, гораздо более интересно, чем произведение выдающегося революционного демократа.

К 60-м годам XIX в. созрело основанное на эстетизме мировоззрение Константина Николаевича. Он пришёл к убеждению, что “всё хорошо, что прекрасно и сильно, – будь это святость, будь это разврат, будь это революция, будь это охранение – всё равно!”¹. Леонтьев решил оставить давно уже стеснявшую его практическую медицину, перебраться в столицу и стать профессиональным литератором: “открывать глаза” на истины эстетизма читающей публике. Однако в Петербурге Леонтьев замечен не был: русскому обществу, увлечённому вихрем либеральных реформ, было не до эстетики.

Повращавшись в “передовых” кругах столичной интеллигенции и хорошо узнав её представителей, Леонтьев проникся неприязнью к их демократическим идеалам и к буржуазному прогрессу, ведущему так называемого “среднего человека” – ограниченного и самодовольно-скучного буржуа, к уничтожению поэзии и красоты жизни, всех её цветов кроме сюртучно-серого. С этим он как эстет мириться не мог. Поняв, что прекрасного гораздо больше на стороне “церкви, монархии, войска, дворянства, неравенства и т. д., чем на стороне современного управления”, крайней или умеренной буржуазности, Леонтьев перестал колебаться и встал на сторону “консерваторов”². Для него это означало разрыв с юношеским либерализмом и либералами, в том числе с Тургеневым. И Леонтьев скрепя сердце расстаётся со своим литературным патроном. Борьба идей в его душе была так сильна, что он “поху-дал и почти целые петербургские длинные ночи проводил нередко без сна, положивши голову и руки на стол в изнеможении страдальческого раздумья”³.

В чуждом для него Петербурге, да и вообще в России, всё прочнее становящейся на путь общеевропейского развития, меняющей поэзию патриархального дворянско-крестьянского быта на прозу пореформенной буржуазности, Леонтьеву становится душно, и он, устроившись на службу в Азиатский департамент имперского МИДа, бежит на экзотически-яркий, сверкающий многоцветьем красок Восток, в балканские провинции Турции. С конца 1863 г. Константин Леонтьев – секретарь и драгоман (переводчик) русского консульства на острове Крит. Здесь, отстаивая престиж и достоинство своей Родины, да и собственную дворянскую честь, он вступает в конфликт с французским консулом Дерше. Тот в одной из бесед отзываясь о России оскорбительно, и Леонтьев отвечает ему ударом хлыста. Русское посольство в восторге от этого смелого, хотя и не дипломатического поступка. Константина Николаевича отзывают в турецкую столицу, там он получает назначение в бывшую резиденцию османских султанов, первую их столицу в Европе – город Адрианополь.

Служа на Востоке, Леонтьев делил своё время между напряжённой дипломатической деятельностью, сердечными увлечениями и занятиями литературой. Там он писал свои балканские очерки, рассказы и повести, оттуда отправлял корреспонденции и статьи в русские газеты, журналы. Жил Леонтьев на широкую ногу, по-барски, держал множество слуг, и жалованья (вполне приличного) ему всегда не хватало. Благодаря этому он “познакомился” со множеством местных ростовщиков, одним из которых был Соломон Нардеа – “Шейлок” османского разлива.

В Министерстве иностранных дел Леонтьева знали и ценили, у начальства – русского посла в Порте графа Н. П. Игнатьева, начальника Азиатского

¹ Александров А. А. К. Н. Леонтьев // “Русский вестник”. 1892. № 4.

² Александров А. А. Там же.

³ Леонтьев К. Записки отшельника // “Гражданин”. 1888. № 15.

департамента МИДа Стремоухова и самого министра, а впоследствии – канцлера Горчакова он был на отличном счету, и его служебная карьера продвигалась необычайно быстро. В 1867 г. Леонтьев становится вице-консулом в придунайском городе Тульча, с 1812-го по 1856 годы принадлежавшем России, в 1869–1871 гг. он – консул, сначала в Янине, затем в Салониках. Ему предлагают пост генерального консула в Праге – после образования там вакансии, но... Судьба вносит в эти планы свои коррективы.

1871 год стал для Константина Николаевича годом тяжёлых испытаний, годом окончательной “переоценки всех ценностей”, третьего и последнего в его жизни умственного перелома. Период эстетического упоения бытием проходит, на смену ему являются усталость, душевное томление и тоска, возникает мысль уйти в монастырь. Зимой в Петербурге умирает любящая и любимая мать, а летом Леонтьев заболевает сильным желудочным расстройством и, принимая свой недуг за холеру, готовится к смерти сам. В один из наиболее ужасных моментов болезни, глядя на образ Богородицы, привезённый греческим монахом с Афона, Леонтьев уверовал вдруг в её существование и могущество, сжал кулаки и воскликнул: “Мать Божия! Рано! Рано умирать мне!.. Я ещё ничего не сделал достойного моих способностей и вёл в высшей степени развратную, утончённо-грешную жизнь! Подыми меня с этого оврага смерти. Я поеду на Афон, поклонюсь старцам, чтобы они обратили меня в простого и настоящего православного верующего... и... постригусь в монахи...”. Через 2 часа Константин Николаевич почувствовал значительное облегчение и стал совсем другим человеком. Со старой жизнью покончено; Леонтьев пришёл к глубинному, “личному”, как он его называл, православию, и личная вера dokonчила в 40 лет и политические, и художественное его воспитание².

Около года он провёл на горе Афон среди греческих и русских монахов, желая получить постриг в этой обители, однако мудрые духовные наставники, старцы, убедили его повременить с монашеством и уехать в Константинополь. Там он вытребовал отставку от дипломатической службы, предоставленную ему с большой неохотой, и написал свою крупнейшую историософскую работу “Византизм и Славянство”, в которой “дополнил” концепцию культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского своей “гипотезой триединого развития”, постулировавшей, что время жизни всякого культурно-государственного организма составляет не более 1000–1200 лет, и каждый из них проходит в своём развитии три ступени: “первичной простоты”, “цветущей сложности” и “вторичного смесительного упрощения”. Эта “гипотеза” во многих отношениях предвосхитила “морфологию истории” германского философа-эссеиста Освальда Шпенглера. Кстати, и сам великий немец “отводил” на существование каждой мировой культуры практически тот же срок, что и К. Н. Леонтьев – тысячелетие.

Весной 1874 г. Леонтьев покинул Восток и возвратился в Россию. Здесь он собирался печатно проповедовать свои революционно-консервативные взгляды, добиться признания и стать “литературным генералом”. Его великолепные повести из восточной жизни печатались в “Русском вестнике” М. Н. Каткова, вышли и отдельным изданием, но образованное общество того времени, готовое даже Пушкина “променять на сапоги”, большого внимания к ним, как и в предыдущем десятилетии к роману “В своём краю”, не проявило. Статьи Леонтьева, предостерегавшие от повального в 70-е гг. XIX века увлечения панславизмом и безоглядного потворства России югославянам, в особенности – болгарам, боровшимся с Константинопольской патриархией, также не были оценены по достоинству. Только на рубеже 80-х и 90-х, после того как в 1885–1887 гг. “братская” вроде бы Болгария, освобождённая от власти султана лавиной русских штыков и реками русской крови, отвернулась от своих московско-петербургских радетелей и стала союзницей Австрии и Германии, некоторые представители консервативного лагеря вспомнили леонтьевские инвективы в адрес балканских единоверцев и согласились с их автором. Следует напомнить, что, несмотря ни на какие разоблачения, панславизм остался одной из важнейших внешнеполитических доктрин России, и именно панславизм, определявший поведение значительной части русского общества, был одним из важнейших факторов, вовлекших страну в I Мировую войну, приведшую её к катастрофе.

¹ Иваск Ю. П. Указ. соч. С. 396.

² Письмо Леонтьева к В. Розанову от 14.8.1891 г. // “Русский вестник”. 1903. № 6.

Вернувшись на родину, Леонтьев превратился в скитальца: жил то в Москве, то в имении Кудиново, которое он безуспешно пытался спасти от разорения и продажи с молотка, останавливался в Калуге, в Смоленске и в Петербурге, полгода провёл послушником в Николо-Угрешском монастыре. Наведывался он и в Оптину пустынь, где обрёл духовного наставника – старца Амвросия, последнего из великих старцев этой обители. Но всюду его преследовала нужда, “дворянское оскудение”. Несколько месяцев в начале 1880 г. Леонтьев был помощником редактора русского официального листка “Варшавский дневник” князя Голицына. С его появлением газета стала ярче и интереснее, приобрела немало подписчиков, о ней узнали в столицах. Однако нехватка средств гонит Леонтьева из Варшавы. Константин Николаевич возвращается в Москву и с помощью своего друга и единомышленника по церковным вопросам Т. И. Филиппова, занимавшего солидный государственный пост, устраивается цензором в Московский Цензурный комитет.

Цензорство было для Леонтьева “стиркой и ассенизацией чужого, большей частью грязного белья”¹, но эта служба сделала его жизнь более размеренной, стабильной и обеспеченной. В годы цензорства он много болел, страдал от массы недугов, зачастую хронических. Константин Николаевич переносил всё это стоически, сохранял присутствие духа и продолжал, по мере сил и возможностей, свою литературную деятельность. Вокруг него сформировался кружок из молодёжи, увлечённой его идеями и речами, главным образом – питомцев так называемого Катковского лицея и студентов Московского университета. Тогда же, в начале 1880-х, окрепла основанная на взаимной интеллектуальной симпатии дружба К. Леонтьева и В. С. Соловьёва.

В феврале 1887 г. Леонтьев вышел в отставку с последней – цензорской своей службы, благодаря стараниям сочувствовавших ему высокопоставленных правительственных чиновников он получил неплохую пенсию и поселился возле Оптиной пустыни, в так называемом “консульском домике”, расположенном у самой ограды этой обители. Начался один из самых продуктивных в творческом плане периодов его жизни, “болдинская осень” Леонтьева как публициста. Он пишет ряд статей под общим названием “Записки отшельника”, критические этюды о романах Толстого, с которым Леонтьев встречался и спорил в Москве и в Оптиной, которого он превозносил как писателя-художника и психолога, но которому за его “искания” хотел “сотни две горячих всыпать” или обеспечить ссылку куда-нибудь в Сибирь, в Томск, чего Лев Николаевич, впрочем, страстно желал и сам² для усиления популярности своих морально-атеистических проповедей.

Следует отметить и несколько работ Леонтьева о современном ему национализме: “Национальная политика как орудие всемирной революции”, “Плоды национальных движений на православном Востоке”, “Письма к В. С. Соловьёву о национализме культурном и политическом”. В них варьировалась мысль, что со времён Великой Французской революции национально-освободительные и национально-объединительные движения приводят не к развитию национальных культур и расцвету их самобытности, связанному с усилением оригинальных их черт, как это было, по мнению Леонтьева, в XV–XVII веках, а к буржуазно-космополитическим результатам: всеобщему усреднению и нивелировке, в частности – уничтожению сословий и состояний, вымиранию или капиталистическому перерождению старинной аристократии, подрыву монархической государственности, религиозных устоев и, вследствие всего этого, к обеднению культурной жизни народов.

В апреле 1891 г. завязалась переписка между Леонтьевым и тогда ещё малоизвестным философом Василием Розановым, а в августе этого же года Константин Николаевич был тайно пострижен под именем Климента и по настоянию старца Амвросия, бывшего его духовным наставником, отправился в Троице-Сергиев посад. Там, в лаврской гостинице, он и умер 12 ноября от воспаления лёгких.

Его могила находится в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой лавры у храма Черниговской Божией Матери. Рядом с Леонтьевым покоится и один из тех, кому были адресованы его последние письма, тот, кто, по мнению Константина Николаевича, понял его именно так, как сам он хотел быть понятым другими, – В. В. Розанов...

¹ Иваск Ю. П. Указ. соч. С. 495.

² Иваск Ю. П. Указ. соч. С. 557.